

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Проблема происхождения языка всегда занимала умы думающего человечества. Лингвисты потратили немало сил и времени, а также чернил и бумаги, на решение данной проблемы. Однако не только лингвистов интересовал вопрос о том, как возник наш человеческий язык. Можно сказать, данный вопрос волновал практически всех ученых, в сферу интересов которых входит язык, а впрочем и многих других ученых, казалось бы никак не связанных с языком. Задолго до появления лингвистики ученые люди рассуждали о языке, его свойствах, принципах и механизмах его работы. Древние греки в свое время много внимания уделили языку и его характеристикам. Однако и они вовсе не были первыми людьми, заинтересовавшимися проблемой возникновения языка. Интерес человека к своему языку и его происхождению отражают дошедшие до нас сказки, легенды и мифы.

Данная проблема выходит как за рамки собственно лингвистики, так и за рамки нашего времени и является практически глобальной философской проблемой. Ученый, занимающийся ею (данной проблемой), неизбежно затрагивает вопрос о происхождении непосредственно самого человека и человеческого общества, равно как и вопросы о функциях языка и об отношениях языка и мышления [Донских, 1984: 3]. Происхождение языка изучалось в том или ином виде задолго до появления науки как таковой: первые дошедшие до нас мысли о происхождении языка содержатся в древнейших мифах (см. об этом ниже). Во все последующие эпохи человек, пытающийся ответить на вопрос, как же он (то есть сам человек) появился, также не мог обойти стороной вопрос о происхождении своего языка.

За все это время, от первых мифов и до наших дней, было высказано множество мнений по поводу происхождения человеческого языка, однако все эти мнения, или гипотезы, можно свести в несколько групп. В литературе, посвященной данной проблематике, традиционно называются следующие теории (или гипотезы): звукоподражательная теория, междометная теория, теория общественного договора (изобретения языка), теория

божественного откровения. В англоязычной литературе выделяются следующие теории (гипотезы): 1) bow-wow (подражание звукам животных, в частности собачьему лаю); 2) ding-dong (подражание звукам неживой природы, например грохоту камней или журчанию воды); 3) rooh-rooh (непроизвольное производство звуков, сопровождающее проявление каких-либо эмоций человека); 4) yo-he-ho (язык возник из ритмических звуков, сопровождающих коллективный труд) [Донских, 1984: 4–5].

В действительности очень многие вопросы первобытного праязыкового состояния, например, изначального соотношения языка и мышления, этапов развития праязыка, роли речи в коллективе, в вышеназванных теориях (гипотезах) освещены в недостаточной степени или вовсе не получают никакого освещения, поэтому мы считаем нецелесообразным данные гипотезы именовать теориями. Как справедливо указывает О.А. Донских, «... теория происхождения языка должна указывать не только на характер первых звуков (кстати, и сама постановка вопроса о первых звуках языка достаточно сомнительна (не можем согласиться с этим – А.А.)) или на их источник, но и отвечать на ряд других вопросов – об условиях возникновения звуковой речи, связи звука и жеста, роли речи в примитивных сообществах, об этапах становления языка и т.д. Все эти вопросы в рамках данных (указанных нами выше – А.А.) теорий не могут быть даже поставлены» [Донских, 1984: 5].

В самом деле, «... применительно к истории разработки проблемы глоттогенеза точнее всего говорить о некотором банке идей. Причем различные авторы разрабатывают отдельные идеи, часто не определяя их связи с общим комплексом проблем. При таком взгляде история проблемы предстает не как процесс смены теорий, а как процесс накопления идей (разрядка наша – А.А.)» [Донских, 1984: 7].

Что касается языка жестов и связи звукового языка наших далеких предков с языком жестов, то мы этим вопросом заниматься не намерены (по крайней мере, в данной работе). Нас интересует лишь звуковой человеческий язык, а не системы передачи информации вообще, в число которых входят, например, жестовый язык, азбука Морзе, язык математических и химических формул и т.п. На наш взгляд то или иное значение того или иного древнейшего жеста, впрочем как и сами жесты первобытных людей, в принципе не восстанавливаемы (тут можно

только гадать), а закономерности создания и существования жестового языка, представляющего собой не что иное, как систему невербального кинетического общения, более входят в предмет психологии, или, возможно, психолингвистики, а не собственно лингвистики. Принцип, который возможно применить в решении вопроса о первых гласных и согласных звуках человеческого языка, к языку жестов не применим ни в малейшей степени. Хотя есть, безусловно, некоторые основания полагать, что язык жестов исторически мог предшествовать звуковому языку (с этим положением мы не собираемся спорить), и, возможно, как некоторые ученые считают, определенные жесты первоначально сопровождалась определенными звуками (звуковыми сигналами), мы все же не имеем ни малейших оснований считать язык жестов и язык звуков генетически связанными.

Рассуждения об их возможном сходстве и родстве мы вынуждены закончить констатацией того факта, что оба эти языка зародились в среде людей естественным путем, и оба они своеобразно, то есть отлично друг от друга, отражали возможно схожие по своему характеру мыслительные процессы, имевшие место в сознании древнего человека в ближайшие и, скорее всего, соприкасающиеся друг с другом периоды развития человека как вида. Однако всем интересующимся жестовыми языками нужно обязательно учитывать тот факт, что язык жестов, существующий параллельно человеческому звуковому языку, должен в значительной степени отличаться от языка жестов, существовавшего до звукового языка, то есть существовавшего вместо него (звукового языка). Кроме того, языком жестов можно называть совершенно различные по своему характеру вещи, например, пантомиму (воспроизведение или имитацию в танце выполняемых в жизни действий) и используемый моряками язык семафора и, наконец, язык глухих. По этим причинам, изложенным нами выше, мы не считаем целесообразным при изучении глоттогенеза прибегать к изучению жестовых языков. Слишком различен материал, принцип и механизм действия языка звуков и языка жестов, что не оставляет шансов исследователю в данном случае добиться каких-нибудь положительных результатов. Оставим языки жестов для других исследователей, имеющих желание изучать именно их, нас же интересует звуковой язык, собственно наш человеческий язык, благодаря которому люди являются людьми.

На различных этапах развития человека суть языка и речи трактовалась по-разному. Например, дошедшие до нас мифы несут следующее понимание языка и речи: «... 1) речью, языком обладает практически все, что может быть названо; 2) речь возникает как один из атрибутов возникшего человека; 3) существует природная, изначальная связь имени и объекта; 4) имя может существовать независимо от объекта именованного и предшествовать ему» [Донских, 1984: 11]. Согласно таким представлениям слово является как бы душой предмета, который им называется. В различных культурах распространены сказания о том, что предметы мира, или даже сам мир, создаются благодаря созданию имен для них [Донских, 1984: 18–19].

В античное время вышеупомянутые положения изменялись и уточнялись. Благодаря древним грекам возникла этимология, изучающая внутреннюю форму слов или, другими словами, их мотивированность (мотивацию). Слово или имя рассматривалось древними греками под другим углом зрения, нежели до них, и происхождение слова (а через него и происхождение самого языка) они изучали в рамках противопоставляемых друг другу теорий φύσις («по природе») и νόμος или θεσις («по закону» и «по установлению») [Донских, 1984: 21, 23, 26]. Удивительно видеть человеку XX века, что первейшим и важнейшим качеством слова у древних греков считалась его способность существовать в роли языкового знака. Именно данный аспект функционирования слов интересовал греков уже в те, такие отдаленные от нас времена (см. цитату из Аристотеля ниже). Древние греки, представители вышеупомянутых теорий, на самом деле пытались проследить возникновение не просто слов, но языковых знаков. Все они, как те, так и другие (то есть сторонники обеих вышеупомянутых теорий), были заняты поисками внутренней формы слова; прибегая к упрощению можно сказать, что сторонники теории (точнее теорий) νόμος признают за человеком роль сознательного творца слов, в то время как их оппоненты эту его роль ограничивают тем или иным способом. Интересно, что звуко-символизм так же, как и этимология, был унаследован нами как раз от древних греков: он принимался определенными сторонниками теории φύσις в качестве объяснения закономерностей связи звуков в составе слова со значением данного слова [Донских, 1984: 24–26].

Конечно, древние греки не дали ответа на вопрос, как же возник наш звуковой язык, но по сравнению с мифотворцами они, несомненно, сделали огромный шаг вперед. Например, Аристотель писал: «Имена имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А возникает имя, когда становится знаком (разрядка наша – А.А.), ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя» [Аристотель, 1978: 94].

Несмотря на видимый прогресс в развитии взглядов на происхождение языка (теория $\nu\omicron\mu\omega\lambda$, в целом, и взгляды Аристотеля, в частности, см., например, цитату выше), теория божественного происхождения языка все же продолжала существовать. В средние века она перестала быть вариантом теории $\phi\upsilon\beta\alpha\iota$ [Донских, 1984: 24–25], и уж тем более она к тому времени полностью отделилась от своего примитивного варианта, представленного в мифах. На самом деле в средние века она даже весьма значительно потеснила те плодотворные теории происхождения языка, которые в античное время объединялись под общим названием $\nu\omicron\mu\omega\lambda$ [Донских, 1984: 33]. Полемика двух противопоставленных друг другу течений античного времени, имевшая место все же в рамках науки, в средние века уступает место различным толкованиям Библии, и в это время право делать научные выводы было оставлено уже лишь за теологией. Согласно Библии Бог сотворил небо, землю, свет, солнце и луну, растения и животных, и, наконец, по своему образу и подобию, человека. Затем Бог заговорил с первыми людьми, благодаря чему он и дал им свой язык [Библия, Бытие 1].

Интересно, что право называть животных и птиц Бог предоставил первому человеку, то есть Адаму [Библия, Бытие 2: 19–20], что впоследствии дало средневековым мыслителям повод считать самым первым языком на земле именно древнееврейский язык [Донских, 1984: 35]. Остальные языки мира, как признается в библейской традиции, были созданы Богом для предотвращения построения Вавилонской башни, когда Бог разделил один народ с одним языком на множество народов с различными языками и рассеял их по земле [Библия, Бытие 11: 1–9]. По аналогии с древнееврейским многие другие языки однажды выдвигались на роль первого языка мира – китайский, баскский, арабский, армянский, готский, немецкий и другие [Донских, 1984: 36]. Тот факт, что именно Адам, а не Бог, давал имена животным

и птицам, позже дал повод различать языковую способность, дар слова (данный Богом), и сам язык (имена произвольно даются человеком, то есть он изобрел язык) [Донских, 1984: 38–40].

В мусульманском арабском мире в то же самое время, то есть в средние века, существовали три взгляда на происхождение языка: 1) теория природного происхождения (подражание звукам природы), 2) теория откровения (язык дан Аллахом), 3) теория общественного договора [Донских, 1984: 41–42].

В новое время, пришедшее на смену средневековью, взгляды на язык получили дальнейшее развитие. Происходили дискуссии относительно того, 1) чем было вызвано появление языка (общение или закрепление понятий, впечатлений) [Донских, 1984: 46, 53], 2) в каком порядке появлялись имена в связи с их значением (сначала общие, затем частные значения, или, другими словами, сначала абстрактные, а затем конкретные идеи, или же наоборот) [Донских, 1984: 45–51, 54], а также того, 3) что все же можно называть первым языком (конкретный язык из существующих, или же какой-либо неизвестный, утерянный язык) [Донских, 1984: 49, 54].

Нужно сказать, что все теории нового времени (как, впрочем, и существовавшие ранее теории), пытающиеся дать объяснение происхождения языка, могут быть названы номиналистическими, так как они исследуют, прежде всего, возникновение имен. Совершенно особый случай в этом смысле представляет собой звуко-символизм, разновидность античной теории фиса, приверженцы которого пытались значение слов свести к значению звуков.

Значительным достижением этого времени исследования глоттогенеза следует считать работу Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций». Вико говорит в ней о трех периодах развития человека и трех языках, им соответствующих: о немом языке (язык религиозных движений), о языке героических знаков или гербов (он был промежуточным на пути к звуковому языку, так как содержал и немые жесты и звуки), и о разговорном, то есть артикулируемом или звуковом, языке [Донских, 1984: 51]. Но самое важное то, что Вико пытается исследовать происхождение грамматической системы языка. Сначала (согласно Вико) возникли междометия, потом местоимения, затем артикли, частицы, предлоги, имена, и, в конце концов, глаголы. Также, кроме всего прочего, он (весьма туманно, к

сожалению) заявляет о некоем общем «Идеальном языке» [Донских, 1984: 52]. Возможно подобная, или несколько схожая, идея об общности всех мировых языков лежала в основании так называемой «Общей и рациональной грамматики Пор-Рояля». Ее создатели, К. Лансло и А. Арно, считали, что «... категории языка соответствуют логике – категориям мышления, которые являются всеобщими» [Донских, 1984: 53].

Мы должны также упомянуть и Этьена Бонно де Кондильяка, который пытался исследовать язык в развитии от простейших выкриков до современных языков [Донских, 1984: 55]. Его идеи были чрезвычайно прогрессивными для своего времени, да и не только для своего: в отличие от Вико он, например, считал, что первыми в языке возникают названия чувственно воспринимаемых предметов, затем появляются слова, обозначающие их качества, после них – глаголы [Донских, 1984: 58].

Новое слово в рассмотрении проблемы происхождения языка сказал в свое время Иоганн Готфрид Гердер, в целом сторонник теории звукоподражания. Возможно, именно у Гердера впервые «... в центре внимания оказалась активная личность, творящая язык под воздействием окружающей природы ...», и соответственно «... язык рассматривается как творческая способность, а не только как сумма или система слов» [Донских, 1984: 75].

Чуть позже И.Г. Гердера свой труд под названием «О происхождении и прогрессе языка» опубликовал Дж. Б. Монбоддо. В нем наряду с такими странными для нашего современника предположениями, как предположение о том, что египетский язык был праязыком всех азиатских, европейских и североафриканских языков [Донских, 1984: 80], можно найти интересную попытку смоделировать последовательность появления гласных, а затем согласных звуков [Донских, 1984: 79]. Уже тогда, в 1773 г. Монбоддо «... последовательно проводит идею эволюции: он рассматривает в развитии не только движение идей – от простых к сложным и наоборот, и звуковых комплексов – от односложных выкриков к цепочкам артикулированных звуков, но и сами формы жизни и способности человека» [Донских, 1984: 82].

XIX век, «выросший» из XVIII, также сказал свое слово в исследовании проблемы происхождения языка. Прежде всего это связано как раз со становлением лингвистики как самостоятельной науки, отделившейся наконец как от филологии, так

и от философии. Это, в свою очередь, было связано с появлением сравнительно-исторического метода, с открытием родства множества языков на территории Европы и Азии – от Англии до Индии. Эти языки были соответственно названы индоевропейскими (в немецкоязычной литературе индогерманскими). Впрочем, радикальных идей относительно происхождения языка в XIX веке, как нам представляется, не было выдвинуто, исследования шли по пути развития, уточнения или опровержения каких-либо из множества ранее выдвинутых идей (конечно, с новых позиций, в условиях более развитой научной мысли).

Для автора этой книги, как для лингвиста, имеющего в данный момент совершенно определенные цели, из всех достижений научной мысли XIX века самыми важными, безусловно, являются разработки глоттогенеза с лингвистических позиций (именно с лингвистических позиций – это А. Шлейхер и некоторые другие). Но и о взглядах нелингвистов на проблему происхождения языка мы, однако же, не должны забывать: прежде всего это касается Л. Нуаре. Его теория, краеугольным камнем которой послужила трудовая деятельность, содержит, несмотря ни на что, ряд весьма интересных положений. Однако мы должны иметь в виду, что Нуаре не во всем был оригинален, он имел предшественника, а именно Л. Гейгера, который до Нуаре писал, что язык рождается в деятельности [Донских, 1984: 101]. Гейгер также считал, во-первых, что работа, по характеру которой названо орудие труда, появилась раньше, чем это орудие, и, во-вторых, что самым первым орудием человека была мысль (см. также наши замечания страницей ниже – А.А.), она заменяла человеку те естественные орудия, которые есть у животных [Донских, 1984: 101].

Нуаре, однако, не воспринял положение Гейгера о том, что первые понятия были субъективными. Он считал, что первые понятия, какими бы субъективными они не казались, «... благодаря проекции человеческих органов в мир ... наполняются объективным содержанием» [Донских, 1984: 103]. Его предположения могут быть поняты в том смысле, что представление о мире в сознании человека строится по подобию человека, другими словами мир изначально (то есть еще до появления орудий труда) антропоцентричен. Так как человек сам по себе, для самого

себя, — непосредственная данность, неотъемлемая от мира, существующая в объективном мире, его понятия в любом случае будут объективными.

Чем же вызвано стремление обосновать происхождение языка трудом или наличием орудий для труда? Причина номер один — желание уйти от категорий разума и особенностей человеческого мышления как от чрезвычайно субъективных вещей и опереться на вещественные предметы, существующие независимо от нашего желания в окружающем нас материальном мире. Это — грубый материализм, который даже психические процессы склонен трактовать по аналогии с процессами, протекающими в мире неживых предметов, это — чрезмерное желание объективности. Но язык ведь больше творение разума, чем материального мира, поэтому изучать язык вообще и происхождение языка в частности нужно не с позиций механика, а с позиций психолога этого вида деятельности, то есть с позиции специалиста-лингвиста (причем для изучения данного вопроса даже известным философом или известным экономистом быть недостаточно, см. также ниже).

На самом деле для создания языка был неважен труд сам по себе, было неважно общество само по себе: чтобы возник язык, человек должен в качестве основы иметь разум (сознание), мир вокруг себя (какой угодно), а также вспомогательные инструменты отражения мира — органы чувств. Язык сам по себе — знаковая система, не более, но и не менее (см. также ниже цитаты из Ф. де Соссюра). Для создания знака нужно иметь нечто существующее номер 1, понятие о нем (его отражение), и нечто существующее номер 2, отличное от того, что мы обозначили номером 1 (и понятие о нем, в большинстве случаев, но не в случае со звуками). При определенных условиях, благодаря какой-либо связи понятия номер 2 с понятием номер 1, существующее номер 2 оказывается связанным с существующим номер 1. Скорее всего, точнее будет сказать, что понятия связываются после того, как предметы (явления) вступают во взаимодействие реально или в нашем сознании, а не наоборот, однако это не обязательно во всех случаях. Если понятие номер 1 доминирует (а понятие номер 2 в данной связке будет несамостоятельным, подчиненным), то в данном случае явление номер 2 будет знаком явления номер 1, а не самостоятельной единицей (означая уже не самое себя, а посторонний предмет или явление); в случае с производимыми человеком зву-

ками, первоначально не имеющими самостоятельного значения (так как они не существуют самостоятельно, то есть не являются независимыми сущностями, не несут значения или смысла изначально), все описывается даже проще. Такая связь, связь предметов или понятий о них, может быть чем-либо обусловлена, но может быть и чисто произвольной, то есть не диктуемой внешним миром. Мы практически ежеминутно сталкиваемся в своей жизни со знаками — это любые заместители или представители каких-либо явлений или предметов. Причем фактически в реальном мире, и в нашем сознании и в нашей памяти, соответственно, все предметы и явления мира так или иначе связаны друг с другом, все они таким образом могут быть с определенными оговорками названы знаками чего-либо, и все они обязаны при этом нести какую-либо информацию (на самом деле любой предмет или явление несет информацию уже хотя бы потому, что он существует для нас, реально или в нашем воображении). Но все знаки окружающего мира (читай предметы или явления мира) значительно разнятся, передают неоднородную информацию, взаимодействуют друг с другом в различных плоскостях, таким образом, человек не может все эти знаки использовать одинаково эффективно, к тому же мы обладаем пятью различными способами получать информацию из окружающего мира — зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, что также немаловажно для самой возможности передачи и получения этой информации, поэтому обязаны существовать более чем одна знаковые системы.

Из сказанного выше логично вытекает заключение, что язык теоретически мог быть индивидуальным творением. Правда, для того, чтобы создать звуковой язык таким, какой имеется в нашем распоряжении сейчас, такому индивидууму-творцу нужно прожить столько же времени, сколько существует все человечество, причем постоянно развивать свой разум, совершенствовать свой язык, воссоздавать его каждые несколько десятилетий и при этом очень желательно, чтобы он говорил, выражая свои мысли, и слушал, стараясь понять сообщения, адресованные ему, и чтобы с определенного времени научился писать послания на своем языке и читать написанное, пытаясь извлечь всю заложенную в эти послания информацию, то есть он должен беспрестанно или очень часто находиться в ситуации общения, беспрестанно или очень часто передавать и получать информацию на своем языке.

Язык – орудие разума, средство познания мира и средство хранения информации о мире, но также и орудие, которым наш разум сам строит себя, сам себя развивает. Первоначальной задачей языка была вовсе не передача информации, то есть идей, как некоторыми утверждается, а сначала формирование понятий или идей о мире, субъективное осознание объективно существующего мира. Почему же философы могут говорить о первостепенной важности коллективного труда для происхождения языка, иногда даже с позиций грубого материализма (например, Маркс с Энгельсом)? Дело, очевидно, в том, что они не лингвисты, а всего лишь философы (по крайней мере, так принято считать). А для изучения языка, для выдвижения гипотез о тех или иных языковых явлениях необходимо быть, прежде всего, лингвистом, и это важнее всего. Философия в вопросах языка беспомощна, если существует лингвистика в достаточно зрелом виде. А что касается Маркса и Энгельса, то, как нам кажется, их труды о языке на самом деле являются всего лишь трудами о трудовой деятельности (простите за невольный каламбур), в которых утверждается основополагающая роль труда на основании того, что якобы даже происхождение человеческого звукового языка было им (трудом) обусловлено. В данном случае, у Маркса и Энгельса, язык используется не в качестве предмета исследования, а в качестве инструмента доказательства гипотезы, не имеющей к языку никакого отношения. И хотя Энгельс в цитируемом ниже труде рассуждает о языке, пытается дать свое специфическое видение проблемы глоттогенеза, он так же неизмеримо далек от разрешения данной проблемы, как и от понимания того факта, например, что язык – это естественная знаковая система.

Возьмем следующую очень известную цитату из Энгельса: «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим» [Энгельс, 1961: 489]. Крайне примитивный взгляд, средневековое мракобесие. От этих слов надо было отказаться еще до того, как они были написаны на бумаге. Для специалиста абсолютно

неприемлемо, потому что антинаучно. Антинаучным это положение было уже в момент своего рождения. Если не знать времени жизни Фридриха Энгельса, то можно было бы предположить, основываясь на степени зрелости его взглядов на язык, что он жил лет за двести до Августа Шлейхера (а между тем, Энгельс старше Шлейхера всего на три месяца). Если наш читатель не согласен с нами здесь, мы советуем ему не торопясь прочесть «Курс общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, поспорить с которым любому из нас будет очень трудно. Ф. де Соссюр почти сто лет назад предупредил, что ошибочно предполагать «... наличие уже готовых понятий, предшествующих словам» [Соссюр, 1999: 68].

Ни один здравомыслящий лингвист после Соссюра не посмеет сказать, что сначала в голове индивидуума или коллектива формируется понятие (означающее), а лишь затем появляется и связывается с ним какой-либо звуковой комплекс (означающее), ведь эти два аспекта языкового знака связаны неразрывной связью, именно такая спаянная воедино конструкция и может в полном смысле этого слова именоваться знаком, иначе не бывает. Непонимание этого есть само по себе серьезное заблуждение, но приводит оно к еще более серьезным заблуждениям. Вспомним Фердинанда де Соссюра: «Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность ... (две стороны знака Соссюра – это понятие и акустический образ – А.А.). Оба эти элемента теснейшим образом связаны между собой и предполагают друг друга» [Соссюр, 1999: 69]. И далее он пишет: «Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа ... (здесь же Соссюр предлагает термин «понятие» заменить термином «означающее», а термин «акустический образ» – термином «означающее» – А.А.)»; «... под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым ...» [Соссюр, 1999: 70].

До появления семиологии, в рамках лингвистики и вне оной, проблема глоттогенеза принципиально не могла быть решена. Именно этим фактором объясняется нерешаемость проблемы глоттогенеза многочисленными исследователями, философами, филологами и лингвистами прошлых веков, от первых мыслителей-мифотворцев до структуралистов XX века. И только с появлением семиологии и далее фонологии (что

также очень важно) лингвисты имели на руках все необходимые инструменты для решения данной проблемы. То, что за решение проблемы глоттогенеза никто не желает браться уже более ста лет, объясняется нежеланием рассматривать сложнейшие проблемы языкознания, устойчивостью стереотипов, существующих даже в кругу ученых, и, самое главное, нежеланием противоречить устоявшимся взглядам предшествующих поколений исследователей языка (в частности младограмматиков и структуралистов). Также в значительной степени это обусловлено тем, что однажды попавшие в тупик лингвисты приняли решение более не исследовать глоттогенез. Как известно, еще в 1866 году в устав Парижского лингвистического общества был внесен запрет на рассмотрение работ о происхождении языка [Донских, 1984: 95]. Мы, в свою очередь, считаем, что такая позиция антинаучна, это — ущемление лингвистики в ее исконных правах на язык во всех его проявлениях. Прискорбно, что с того самого времени лингвисты и в самом деле повсеместно отказались от исследования глоттогенеза (нам, по крайней мере, неизвестны попытки объемных исследований в данном направлении).

Здравой во всех смыслах представляется нам позиция Берлинской академии наук в XVIII веке, которая однажды (1769) разослала вопрос следующего содержания: «Если бы люди были оставлены при их врожденных способностях, то были бы они в состоянии изобрести язык? И какими способами они могли бы сами собою дойти до такого изобретения?» [Р. Гайм по Донских, 1984: 73]. Были выполнены тридцать исследований, самым достойным из которых признали «Трактат о происхождении языка» И.Г. Гердера. Как жаль, что сегодня таких вопросов ученые мужи друг другу не задают, а может быть стоит задать? Может быть, настало время, набравшись сил идти вперед?

Теперь, в самом начале XXI века, мы приходим к выводу, что исследования глоттогенеза необходимо продолжать, они не так уж безнадежны, как об этом многие думают. Все возвращается на круги своя. Неразрешенные вопросы вновь стоят перед нами, как раньше. Только теперь лингвистика обладает гораздо более полными знаниями, гораздо более точными инструментами. Лингвистика возмужала, стала зрелой наукой, и теперь, хочется верить, ей по плечу те задачи, которые были

непосильны еще сто – сто пятьдесят лет назад. Оставив позади философию, психологию, филологию, мы сможем сделать то, чего не могли сделать наши предшественники. Мы должны ответить на самый главный вопрос лингвистики – как возник наш язык?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. // Под ред. З.Н. Микеладзе. – М.: «Мысль», 1978. – 687 с.

2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические в русском переводе с параллельными местами. Издание всесоюзного совета евангелических христиан-баптистов. Перепечатано с Синодального издания. – М., 1988.

3. *Донских О.А.* Происхождение языка как философская проблема. – Наука, Сибирское отделение, Новосибирск, 1984. – 127 с.

4. *Соссюр Ф. де*. Курс общей лингвистики // Под ред. Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

5. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека (в кн. Диалектика природы) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. – М.: Гос. изд-во полит-ой л-ры, 1961. – С. 486–499.